

И.Ф. Щербатова

Идейные метаморфозы Ф.М.Достоевского

Романы «Бесы» (1870–1871) и «Подросток» (1874–1875) наиболее политизированы и актуализированы. Поводом к написанию «Бесов» послужило дело С.Нечаева. В другом случае, уже приступив к работе над «Подростком», Достоевский узнает о процессе над долгушинцами¹. В «Подростке» члены демократического кружка Дергачева представлены в совершенно ином свете, без демонизма: вполне себе приличные юноши, рассуждающие о месте и предназначении России, тогда как в действительности долгушинцы, принадлежавшие к фабрично-заводским рабочим, с помощью насильственных методов борьбы хотели изменить существующее положение народа. В этом Достоевский, конечно же, их не поддерживал, а смена интонаций произошла потому, что Достоевский узнал о приверженности долгушинцев православию, и это обстоятельство чрезвычайно его заинтересовало. По мнению К.В.Мочульского, «Достоевский видел, что революционеры 70-х гг. во многом отличаются от нигилистов-шестидесятников. Долгушинцы были идеалистами, стремились создать “религию братства” и основывали свой коммунизм на евангельском идеале. В прокламации Долгушина “К русскому народу” был эпиграф из Евангелия. Это новое поколение “шло в народ”, охваченное религиозным пафосом»². В «Бесах», которые задумывались как острый памфлет, Достоевский обличает нигилизм, террор, цинизм революционеров, однако не нигилизм как таковой интересовал писателя, а скорее причины, его породившие. Как социальное явление нигилизм не особенно сложен, хотя послед-

ствия его, как и предсказал Достоевский, оказались для России едва ли не фатальными. Задумываясь о первопричинах, в романе «Бесы» Достоевский сосредотачивается на проблеме ответственности. Кто виноват в том, что дети отцов-освободителей, дворян-идеалистов, презрели идеалы отцов? Но уже в следующем по хронологии романе «Подросток» беспощадный приговор западникам 40-х, вынесенный в «Бесах», сменяется не просто признанием идеалов дворянского либерализма, но и самой высокой их оценкой. В данной работе будет прослежена динамика представлений Достоевского об исторической роли русского дворянства и, в частности, отношение писателя к западникам-либералам, ответственным, как ему казалось, за возникновение нигилизма. Также в статье предполагается подвергнуть сомнению правомерность суждения о преимуществах дворянского либерализма и революционного демократизма. Эту проблему Достоевский обозначил одной фразой: «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева»³.

Нельзя сказать, что авторская позиция легко прочитывается в романах Достоевского, которые по своей морфологии представляют «мировоззрения, воплощенные в голосах»⁴. Полифонизм повествования совершенно дезавуирует авторский голос, как будто бы у каждого героя своя правда, и только возмездие, как судьба, в развитии сюжета, да краткие ремарки, характеризующие мысли и ощущения героя, могут иногда указывать на идейные скрепы писателя. В отличие от прежних романов в «Бесах» повествование идет от первого лица, автор – непосредственный участник событий. Как хроникер он может себе позволить лишь иногда, в интонации, выразить свое отношение. В «Подростке» Достоевский вводит персонаж автора, который выражает мысли самого Достоевского⁵. В заключительных замечаниях автора, как и в пространных монологах главного героя Андрея Петровича Версилова, содержится изложение историософских идей Достоевского. То, что это в значительной степени ретрансляция идей Петра Чаадаева, Александра Герцена, Владимира Печерина⁶ – вопрос отдельный, как и то, насколько эти идеи были близки на тот момент самому Федору Михайловичу. Читатель, подчас (а, может быть, и скорее всего) не догадываясь о первоисточнике, встречается в художественном произведении, в его понимании, именно с авторской историософской концепцией. В свою очередь «историософия Достоевского» для историка мыс-

ли кусочком смальты ложится в общую картину историософии в России, в академических курсах которой писателю Достоевскому, как правило, отводится отдельная глава. Это обстоятельство не только повышает статус художника до мыслителя, но и демонстрирует возможность включения в свод научно-философских текстов тексты художественные, а также необходимую сопутствующую литературу других жанров, как-то переписку, публицистику, критику, наконец, черновики. Достоевский здесь не исключение.

Историко-философский дискурс открыло Первое философическое письмо П.Я.Чаадаева⁷. Оно на долгие годы определило историико-философский контент: Россия-Запад, православие-католичество, культурная поляризация общества, положив начало отечественной компаративистике, русскому мессианству и много еще чему. Кроме того письмо Чаадаева послужило сигналом к очередному разделению общества на «наших» и «ненаших», пусть и не первому, но далеко не последнему. Поначалу, в 30-е г. XIX в., специфика философского контента в России была такова, что историософские тексты даже не претендовали на профессиональную площадку – переписка и мемуары, критика, художественная литература были теми жанрами, которые авторы использовали для самовыражения или вербализации самосознания культурной части общества. Именно в этих формах существовала неакадемическая философия в России, которая не лучше и не хуже академической философии – это разные вещи, обусловленные различными целями. Для представителей неакадемической философии в России эти цели могли быть какие угодно – познавательные, гуманистические, идеологические, прикладные политические, но только не научные. С точки зрения Г.Г.Шпета, выраженной в его «Очерке развития русской философии», неакадемическая философия – это нечто второго сорта. Однако влияние именно неакадемической философии на формировании русской культуры, ее высочайшей духовности, на качество «ноосферы» было исключительным. Академическая философия в России была более вещью в себе, что естественно. С неакадемической философией академическая существовала по большей мере параллельно, за редким исключением, когда появлялись резонансные, общественно значимые труды, такие как, например, «Право естественное» (СПб., 1818–1820) А.П.Куницына.

Русскоязычная литература в историко-философском дискурсе занимает особое место. Для многих писателей это был способ выражения своей позиции по многим общественно значимым проблемам, но и внутри жанра историсофские взгляды автора выражались в различных формах. Так, В.Ф.Одоевский создал сложной формы философский роман «Русские ночи» (1844 г.), лишенный единого сюжета, представлявший воплощенную судьбу идей. Одоевский отобразил не столько свои взгляды, сколько содержание общественного дискурса по проблемам Россия – Запад, шеллингианство в России, воссоздав интеллектуальный контент второй половины 1830 – начала 1840-х гг. Л.Н.Толстой же в традиционный роман включил пространственные авторские монологи историсофского свойства, что придало роману особый статус.

Достоевский, гениальный мастер изображения парадоксов сознания, к философии относился довольно скептически. В набросках к роману «Подросток» он дал весьма ироничную оценку философии: «Философия это нечто о законах бытия вещей, причем бытие должно быть непременно и во всяком случае выше ума человеческого единственно для того, чтобы всю жизнь человек искал определить его и не мог. Мало того, надо непременно, чтоб человек никогда ничего не сыскал в бытии: это приличнее»⁸. Романы Достоевского «Бесы» и «Подросток» нельзя отнести ни к историсофской, ни к философской прозе, скорее они дают обширный материал для философствования на морально-этические темы или историсофских размышлений. Почвенническая позиция Достоевского с большей очевидностью проявляется в «Бесах»; «Подросток» как антитеза «Бесов» поднимает весь комплекс идей отечественной компаративистики. И здесь реконструируемый историсофский строй являет совершенно иного, просветленного Достоевского.

Последний период творчества Достоевского (1865–1880), озаглавленный пятью великими романами, пришелся на пореформенные годы, время сословных пертурбаций и идеологического полифонизма, когда для России чрезвычайно остро стояла проблема выбора пути развития. Достоевский самым пристальным образом следил за общественно-политической ситуацией, за полемикой, происходившей тогда в публицистике. В убийстве в 1869 г. Нечаевым студента Иванова Достоевский увидел закономерный

итог западничества, результат несостоятельности дворян-идеалистов 1840-х гг. Цинизм, с которым революционеры были готовы на любые действия вплоть до террора во имя смутно представляемых и еще менее внятно формулируемых целей, поразил Достоевского. Он задался целью рассмотреть ситуацию отцов и детей уже в контексте чудовищным образом проявившего себя нигилизма.

Петруша Верховенский, по всему, не чета Евгению Базарову, образ которого Достоевский ценил высоко и считал большой творческой удачей И.С.Тургенева. При всем своем провинциальном демонизме Петр Верховенский в большой степени шут – Достоевский не жалеет красок сарказма и даже гротеска при создании его образа. А потом сам удивляется: в письме М.Н.Каткову от 8 (20) октября 1870 г. он пишет о Петре Верховенском: «К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня лицом комическим»⁹. И это неспроста: только дурак, в мнении автора, способен на решительное действие. В «Подготовительных материалах» к «Бесам» Достоевский пишет: «Нечаев глуп. <...> Умные только скитаются, а чтобы быть деятелем, надо быть непременно хоть с одной какой-нибудь стороны дураком. Кто очень умен, тот никогда деловым человеком не будет»¹⁰. При этом образ Петра однозначен – это порождение зла: цель оправдывает средства. Борца за справедливость и народное счастье из Петра Верховенского не сделать, как ни старайся. Сознательный, циничный аморализм не только ужасен сам по себе: вызывающая безнравственность одного парализует, лишает воли, ума и совести других. С одной стороны, Достоевский показывает, что собой представляет «революционное подполье», если им может манипулировать Петруша; это галерея довольно серых личностей, безвольных либо фанатичных, но равно безответственных людей. Отсутствие нравственной ответственности, внутреннее безбожие ведет к обману и насилию, такое общество создает среду для зла. И хотя Достоевский затеял роман-памфлет ради разоблачения нигилизма подобных «революционеров», в то же время сюжетная линия выстроена была так, чтобы показать, кто и почему виновен в их появлении. Проблему нигилизма в «Бесах» Достоевский рассматривал в системе отцы-дети, взяв за точку отсчета проблему ответственности отцов. Повинно поколение отцов, считал Достоевский. «Бесы» – это первый открытый, очень внятный суд не только над разночинной интелли-

генцией, но и главным образом, над породившим ее дворянством. Именно так видел Достоевский эту преемственность. Судил он тогда с патриархально-консервативных позиций. Его резко отрицательное отношение к либералам, или западникам-идеалистам, нашло отражение в ироничном, а подчас и довольно язвительном тоне, с каким он описывал Степана Верховенского.

Степан Верховенский, отец Петра, слаб характером, многоглаголив до болтливости, виновен уже тем, что сыном не занимался. Казалось бы, здесь тоже все ясно. Однако образ Степана Верховенского много сложнее прочих героев. Как ни старается его принизить автор, образ, как это часто бывает у Достоевского, неподвластен авторской воле. Степан Верховенский неизменно добр и наивно трогателен при всем характерном для Достоевского уничтожении героя. И конечно, это лучшее изображение идеалиста в русской литературе, если говорить о типаже. В его образе можно находить определенные переключки с образами братьев Кирсановых из «Отцов и детей»: Достоевский сознавал, что 10 лет спустя он пишет своих «Отцов и детей», правда, дворяне Тургенева решали в основном проблемы нравственные и к политике имели косвенное отношение; Степан Верховенский с самого начала предъясняется читателю как карикатура на либерала. Но если некоторая ирония Тургенева отражала его уверенность в том, что есть и не столь ослабленные, не столь упоенные собственным прекраснодушием настоящие деятели, то Степан Верховенский и есть самый настоящий либерал-идеалист, именно такими их видел Достоевский. «“Высший либерализм” и “высший либерал”, то есть либерал без всякой цели, возможны только в одной России. <...> А наконец, надо же было с кем-нибудь выпить шампанского и обменяться за вином известного сорта веселенькими мыслями о России и “русском духе”»¹¹.

Как известно, прототипом образа Степана Верховенского стал историк-медиевист, профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855). К началу работы над «Бесами» со смерти Грановского прошло 15 лет, однако память о том, что это был благороднейший человек, обладавший высочайшим авторитетом, была еще жива. Очень верный портрет Грановского оставил И.С.Тургенев: «Чуждый педантизма, исполненный пленительного добродушия, он уже тогда внушал то невольное

уважение к себе, которое столь многие потом испытали. От него веяло чем-то возвышенно чистым; ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова, – идеалист не в одиночку. К нему, как к роднику близ дороги, всякий подходил свободно и черпал живительную влагу изучения, которая струилась тем чище, чем сам преподаватель меньше прибавлял в нее своего. Свое, оригинальное в его поучении было именно это благородное самоотречение – это отсутствие личных прихотей и умствований. Мы нуждаемся теперь в бескорыстных и неуклонных служителях науки, которые, говоря нам о добре и нравственности – о человеческом достоинстве и чести, собственную жизнь подтверждали истину своих слов... Таков был Грановский»¹².

Несмотря на возможные человеческие слабости (допустим, карточная игра), слепить из Грановского образ безответственного, непоследовательного, склонного к предательству, жалкого, словоохотливого приживала не было никаких оснований. Тем не менее Достоевский в черновиках называет Степана Трофимовича Верховенского Грановским. Здесь не было недоразумения. Достоевский изучил биографию Грановского, написанную А.В.Станкевичем, родным братом Н.В.Станкевича, в память о самом близком задушевном друге брата Николая, изданную в 1869 г. Достоевский хорошо знал, сколь возвышенным было влияние Грановского на молодое поколение, но, шаг за шагом перенося детали и события жизни Грановского на страницы романа, он глумился над ним.

В общественном раскладе 40-х гг. XIX в. Грановский был олицетворением русского западничества, а в общественном мнении за ним прочно утвердилась репутация либерала. Здесь необходимо учитывать одну вещь: *гепате либерала в обществе не всегда совпадает с реальными взглядами, особенно если речь идет о 40–50-х гг. XIX в. и, в частности, о дворянском либерализме.* Последний В.Ф.Пустарнаков относил к паралиберальному типу¹³. С кафедры Грановский мог говорить о как преимуществах, так и о недостатках западной цивилизации, но такова была сила живого слова или логика изложения, что аудитория слышала нечто большее. Именно так этот переход от буквы к духу представил историк раннего русского либерализма Виктор Приленский:

«Можно также вспомнить тот пафос, с которым он говорил о появлении личности в средневековой Европе, о заявлении ею своих прав, о ее борьбе за эти права, а это уже один из важнейших исходных пунктов, своеобразная стартовая позиция для перехода к либеральному образу мыслей»¹⁴.

Так или иначе, но именно западничество, а уж тем более либерализм Достоевский на тот момент не переносил. Здесь кроется причина выбора прототипа, в основе которого все же лежит ошибка. Не раз идея (или первый импульс) сюжета Достоевскому приходил из хроники новостей или публицистики. В случае выбора прототипа главного героя «Бесов» произошло именно так. Достоевскому попала анонимная статья «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», написанная в конце Крымской войны и тогда же распространившаяся в рукописном виде. Автором был Б.Н.Чичерин, но приписывали ее Грановскому. Вот ее изложение: «В противовес официальной и славянофильской пропаганде, выступившей причиной Крымской войны защиту православия и славян, Б.Н.Чичерин писал, что самодержавие стремится к укреплению и расширению власти на Востоке. Признавая эти цели “законными и справедливыми” с точки зрения государственных интересов России, он в то же время подверг резкой критике все действия правительства, представив их как сплошную цепь дипломатических и военных просчетов и провалов, которые привели страну на грань катастрофы. Причину создавшегося положения он видел в том, что политика Николая I, считавшего себя “всемогущим и премудрым”, была направлена исключительно на поддержание “монархического начала” и существовавшего порядка, основывалась на союзе с самыми реакционными силами Европы. По мнению Чичерина, России необходимо было “обновиться с головы до ног”, осуществить широкую программу социальных и политических преобразований, включая отмену крепостного права»¹⁵.

Чичерин, ученик Грановского, был тогда молодым и малоизвестным автором, но уверенность тона и высокий профессионализм, свойственные уже молодому Чичерину, могли дезориентировать читателя, прибавим, далеко не сведущего читателя. Допущение, что такого рода тексты мог писать Грановский, означало только то, что личность Грановского к 70-м гг. была изрядно мифологизирована. Действительно, текстов Грановского Достоевский

не читал, он судил о Грановском по воспоминаниям Герцена, где преувеличение не редкость. Достоевскому идеи Чичерина (а на деле он исходил из того, что это идеи Грановского) были, мягко говоря, не близки. Странно, однако, и то, что столь четкий и адекватный текст, очень характерный для Чичерина, вызвал в воображении писателя образ расслабленного, безответственного болтуна.

Не боль за Россию, переживавшую свою первую катастрофу, увидел Достоевский в статье Чичерина, а презрение национальных святынь. Этого было уже достаточно, чтобы назвать имя врага. Второй причиной выбора прототипа стала рецензия Н.Н.Страхова на книгу А.В.Станкевича «Н.Т.Грановский». Достоевский, прочтя рецензию в журнале «Заря» за 1869 г., попросил у него эту книгу, которая и стала в результате канвой жизнеописания Степана Верховенского¹⁶. Страхов в целом проникся возвышенными интонациями книги Станкевича и говорил о Грановском как о классическом, «чистом» западнике, благородном, чувствительном человеке, талантливом ученом, живущем высокими идеалами. Именно упоминания о чувствительности и возвышенности личности в первую очередь вызвали усмешку Достоевского. Смысл претензий Достоевского к либеральному дворянству сводился к тому, что они, либеральствующие идеалисты-дворяне, только и делали что говорили, красиво и пафосно, но проговорили впустую, не задумываясь над тем, *как слово отзовется* в головах их брошенных детей. О Степане Верховенском Достоевский писал с нескрываемым злорадством: «Играл гражданскую роль и любил эту роль до страсти»¹⁷. «Твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали, так что он тут же, публично, не сойдя с эстрады, расплакался»¹⁸. В набросках к роману под **НВ** Достоевский начинает фразу со слов «Грановский до того мелок...»¹⁹. Интересно, что тогда еще к теме «общечеловеческого» Достоевский относился весьма иронично: «Впадали и в общечеловеческое, строго рассуждали о будущей судьбе Европы и человечества»²⁰.

Может показаться, что Достоевский упрекает либералов за то, что от разговоров они не перешли к решительным действиям: «В городе передавали о нас, что кружок наш рассадник вольнодумства, разврата и безбожия. А между тем у нас была самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня»²¹. В культурном обществе понимали, что после выхода декабристов,

при Николае I, сделать уже никто ничего не мог. Не дальше разговоров просветительско-социалистического толка шли и петрашевцы, дело которых было очередной перестраховкой изначально напуганного режима. Либералисты, то есть не либералы собственно, а скорее протолибералы, западники, разделявшие либеральные ценности, проникнутые духом либеральных идей, могли только сформировать идеалы молодого поколения. Что они и сделали. Однако Достоевский, спустя четверть века, не просто высмеивает эти идеалы, он показывает ничтожество приверженцев этих идеалов. И если Грановский, одна из самых светлых личностей николаевского царствования, человек, пользующийся невероятной любовью и уважением, был обряжен в пародийное платье, то это свидетельствует только о том, насколько был непримирим Достоевский. Не лично к Грановскому, а к западникам-либералам, среди которых именно Грановский был наиболее безобидным, но и наиболее последовательным западником. К классическим, сформировавшимся дворянским либералам Грановского отнести никак нельзя. Как писал В. Приленский, «хотя многие его современники, а также исследователи XIX в. практически безоговорочно относят Грановского к либералам, все же следует отметить, что в его лекциях и работах мы не найдем последовательного изложения теоретических проблем либерализма, а тем более какой-то систематически разработанной модели либеральных воззрений. Более точным, по всей вероятности, было бы назвать его провозвестником, предтечей теоретического либерализма в России»²².

На первый взгляд, создается впечатление, что, по мнению Достоевского, именно прекраснодушие, дворянская болтовня, трусость и безответственность, прикрытые благородством, и породили чудовищ. Ведь по черновикам выходило, что Нечаев сын Грановского, сколь ни собирательными были эти образы, но даже ссылка на рабочий вариант свидетельствовала о позиции автора. Писатель не говорит, *что* и *как* надо было делать, он говорит, *почему* так вышло, он указывает на виноватых и зло высмеивает их. Надо сказать, что та среда, среда либералов-западников 1840-х, осталась для молодого Достоевского совершенно неопознанным объектом. Его тянуло влево, к демократам; он ненадолго пересекся с умирающим Белинским, и очевидно, закономерно оказался у социалистов. А там гражданская казнь, ссылка, каторга, служба в

Семипалатинске. Он как будто бы и современник, и дворянчик, но как-то на дворянскую культуру смотрел классово-злобно, из враждебного угла, и уж точно не попадая в камертон прекраснотворческих, благородных дворян-идеалистов. Вернувшись из ссылки, Достоевский пристально вглядывался в ту эпоху, изучал ее. Но ее неприятие и враждебность теперь стали для него очевидны не на уровне эмоций, а глубоко идейно.

В то время, что он работал над образом Степана Трофимовича, Достоевский особенно злобно отзывается о Белинском. Белинскому, не помня его восторженных отзывов о первых повестях никому неизвестного молодого Достоевского, он не мог простить западничества и буквально глумился над ним. В мае 1871 г. он писал Страху: «Если б Белинский, Грановский и вся эта шушера поглядели теперь, то сказали бы: “Нет, мы не о том мечтали, нет, это уклонение; подождем еще, и явится свет, и воцарится прогресс, и человечество перестроится на здоровых началах и будет счастливо!” Они никак бы не согласились, что, раз ступив на эту дорогу, никуда больше не придешь, как к Коммуне и к Феликсу Пиа. Они до того были тупы, что и теперь бы, уже после события, не согласились бы и продолжали мечтать. Я обругал Белинского более как явление русской жизни, нежели лицо: это было самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни. Одно извинение – в неизбежности этого явления. И уверяю Вас, что Белинский помирился бы теперь на такой мысли: “А ведь это оттого не удалось Коммуне, что она все-таки прежде всего была французская, то есть сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить, как я, по щекам свою мать (Россию)”. И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая великие явления ее (Пушкина), – чтоб окончательно сделать Россию вакантною нацией, способною стать во главе общечеловеческого дела. Иезуитизм и ложь наших передовых двигателей он принял бы со счастьем. Но вот что еще: Вы никогда его не знали, а я знал и видел и теперь осмыслил вполне. Этот человек ругал мне Христа по-матерну, а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нем и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а глав-

ное, самолюбия. Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо Него, неужели себя, тогда как мы так гадки. Нет, он никогда не задумался над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость. Вы говорите, он был талантлив. Совсем нет»²³.

Подобного отрицательного накала инвектив в адрес Белинского привести можно еще несколько, но данная интересна тем, что в ней Белинский и Грановский идут рука об руку. Главное обвинение в западничестве, остальные лишь следствия. Хороший человек не может быть западником. Но дело даже не в этом: плохой-хороший человек это тема для письма, а для России закономерность такова: «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если бы им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем». (1873 г. Письмо наследнику А.А.Романову). Письмо это интересно еще и тем, что содержит искомую историософскую позицию Достоевского: «Ваше императорское высочество милостивейший государь,

Дозвольте мне иметь честь и счастье представить вниманию Вашему труд мой. Это – почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо, раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о соб-

ственным мировом значении как нации никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своем самомнении, и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными». «Назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими»²⁴ – это Достоевский писал тому, кого еще недавно Пушкин назвал «первым европейцем в России».

Таким образом, следуя жизнеописанию Грановского, руководствуясь идейными заветами почвенника Страхова, Достоевский создал, бесспорно, высокохудожественный образ русского либерала 1840-х Степана Трофимовича Верховенского. И действительно, хотя для построения образа Степана Верховенского пореформенного периода (Грановский умер в 1855 г.) использовались шаржи на И.С.Тургенева, В.Г.Белинского, А.И.Герцена, интерпретировались слова и дела критиков, принадлежащих кругу «Современника», образ Степана Верховенского получился одним из наиболее цельных и гармоничных в галерее многочисленных героев романа. Это, с одной стороны, подтверждает слова Мочульского о том, что «Верховенский – не портрет Грановского, а синтетический образ русского идеалиста 40-х гг. Некоторые черты его заимствованы автором у В.П.Боткина, у Б.Н.Чичерина, у Герцена (“хорошо устроил денежные дела” и “плачет о всех женах”) и даже у Белинского»²⁵. С другой стороны, уже только набор имен есть наглядное свидетельство того, насколько Достоевский не ориентировался в общественно-политическом раскладе 40–50 гг. XIX в., насколько приблизительным было его представление о либералах-идеалистах 1840-х, насколько он ошибался, приписывая им нравственную ответственность за порожденный ими нигилизм.

Безусловно, нельзя требовать от художника, даже гениального, четкого понимания расклада политических сил, четких контуров общественно-политических образований, если более века не прекращаются споры о том, относить ли Белинского к западникам, а Герцена к либералам. Однако уже тогда было известно из «Былого и дум», что размежевание Грановского и Герцена прошло по линии радикализма, неприемлемого для человека, разделяющего либе-

ральные идеалы. А, следовательно, не в том дело, что Грановский незаслуженно унижен, а в том, что теоретически либерал-идеалист независимо от степени включенности в либеральный контент никак не мог породить нигилиста и террориста по причине того, что пренебрежение личностью, ее неотчуждаемыми правами противоречит первой и основополагающей заповеди либерализма.

В 1875 г. в свет выходит роман «Подросток», где красной линией проходит высокая оценка исторической роли русского дворянства в формировании русской культуры и ценностей русского общества. В дворянстве, пишет Достоевский, «были законченные формы чести и долга, чего, кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного, но даже нигде и не начато»²⁶. После реформы, допускал Достоевский, русское дворянство «могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь в отдельную касту, что было бы смертью идеи»²⁷. Главной идее «Бесов» – несостоятельности дворянства как передового класса – в «Подростке» Достоевский противопоставляет возможность существования дворянства в пореформенное время как обновляемого и незамкнутого сословия, призванного оставаться хранителем чести и просвещения. Дворяне-либералы, которых всего, может быть, по признанию Достоевского, не более тысячи, в этом романе определены как «высший культурный тип»²⁸, как самое лучшее, что возникло в истории России, главный итог ее. Он их называет освободителями²⁹, относит к «русским европейским цивилизаторам»³⁰. В главном герое романа Андрее Петровиче Версилове воплощена значительность и красота уходящего навсегда сословия, к тому времени уже и ошельмованного и проклятого, но по-прежнему единственного, для кого непреложными оставались понятия достоинства и чести.

К «Подростку» смягчилось отношение Достоевского не только к дворянам-либералам, но и даже к нигилистам. Теперь не либерал идеалист, а «нигилизм есть последняя степень идеализма»³¹. Но к социализму Достоевский по-прежнему непримирим. Свое увлечение социалистическими идеями в бытность принадлежности к кружку петрашевцев к тому времени Достоевский пересмотрел. Интересно, что Версилов и подросток Аркадий критикуют социализм с либеральной позиции, ставя тому в вину, что он пренебрегает личностью, в то же время в черновиках можно встретить при-

знание Достоевского, что он равенство между людьми признает только в христианском смысле. Это одно из многих свидетельств того, что к «Подростку» Достоевский, встав на позицию освободителей или следуя художественной правде, начинает разделять и некоторые их ценности.

Заметно меняется стиль и содержание оппозиционного дискурса: Достоевский, как простой протоколист, выхватывает наиболее значимые фразы из разговоров революционно настроенной молодежи кружка Дергачева, и если таков спектр мнений разночинцев первой половины 1870-х, то понятна толерантность писателя. Хотя и говорится в романе о революционерах: «Вы бога отрицаете, подвиг отрицаете» – для Достоевского по-прежнему атеизм главная угроза обществу³² – все же это уже человеческие лица. В самом начале романа «Подросток», когда еще непонятно, кто есть кто, но ясно, что это тайное собрание рабочей и разночинной молодежи, обсуждается вопрос о второстепенности русского народа, звучат слова об узости идеи патриотизма, но как-то без обличений, в режиме дискуссии. Кажется, Достоевский переболел почвенническим нетерпением. Он по-прежнему почвенник, приверженец православной государственности, разделяющий идеи русского мессианства, но именно в романе «Подросток» очевидна отстраненность и бесстрастность писателя, принадлежащего к русскому дворянству. В диалогах подпольщиков Достоевский как бы проговаривает свои собственные идеи, например он критикует казарменный социализм, отнимающий у человека его личность³³, отрицает теорию разумного эгоизма, не раз повторяет слова о второстепенности России, наконец, поднимает все более волнующую его идею общечеловеческого. Его герои говорят о России как части общего, о том, что человечество находится накануне «перерождения», и поэтому задача каждого «работать для будущего», «делать для человечества»³⁴. Критика почти сразу поставила в упрек Достоевскому плохую прописанность и концептуальную недоработанность образов членов рабочего кружка в романе «Подросток», но и из того, что есть, видна уже общая гуманистическая тенденция, в отличие от авторитарно-циничного характера кружка Петра Верховенского, отрицавшего человечность как таковую. За эти годы произошли перемены в демократическом движении. В частности, деятельность кружка Долгушина дала Достоевскому

основание отметить появление определенных позитивных моментов в принципах и стилистике работы кружков демократически настроенной молодежи: «Молодежь идет в народ, но полна жертвы, добрые чувства остались еще от прошлой истории, но будущее все гадательно»³⁵.

За четыре года, что лежат между романами, изменился и сам Достоевский, изменились его взгляды и оценки. Главное, что случилось с ним в промежуток (1873–1874), – это работа редактором в журнале кн. В.П.Мещерского «Гражданин», ультра-консервативном органе. Казалось бы, это была близкая ему идейная среда, но довольно скоро Достоевский стал тяготиться этой работой, и, проработав год, он ушел из журнала. Роман «Подросток» Достоевский отдал Н.А.Некрасову для публикации в демократических «Отечественных записках». Работа в журнале способствовала переосмыслению многих аспектов общественного развития. Народ остается хранителем мудрости и святых, но Достоевским остро осознает роль представителей светской культуры. В «Бесах» Достоевский обвинял западников-либералов, породивших чудовищ нравственного нигилизма. Работая в журнале «Гражданин», Достоевский видит, что нечаевщина не нашла широкого распространения, а революционно настроенные кружки положительной программы на будущее России не имеют и не могут иметь.

Обозревая русскую сословную реальность в поисках положительного лица, Достоевский пришел к выводу, что это русский дворянин. Список совершенного дворянами-либералами в новом романе почти не изменился: «Мы все тогда кипели ревностью делать добро, служить гражданским целям, высшей идее; осуждали чины, родовые права наши... <...> Нас было немного, но мы говорили хорошо и, уверяю тебя, даже поступали иногда хорошо»³⁶. Но интонации и оценки изменились. Не мог Достоевский также не признать, что именно они, дворяне, и никто другой и были «освободителями».

Здесь в пору задаться вопросом о причинах такого решительного поворота. Что натолкнуло Достоевского иначе посмотреть на русское дворянство? Оценить его вклад в формирование русской культуры или кодекса чести? Ответ напрашивался давно: это А.С.Пушкин. Достоевский обратился к Пушкину в самом начале работы над «Подростком» в поисках кода гениальной простоты.

В отзывах на свои романы Достоевский нередко слышал упреки в событийной загруженности, в неоправданном количестве побочных сюжетов и персонажей в ущерб основной сюжетной линии. Достоевский очень хотел приблизиться к пушкинской простоте, прозрачности, всегда сопутствующим гениальности его текстов. Но помимо этого он нашел в Пушкине защитника дворянских родов, дворянского семейства, культурной основы общества и был покорен его железною логикой. Для тех, кто знаком с этими заметками Пушкина, очевидно, что совпадения не только смысловые, но и просто фразеологические.

В «Подростке» произошла явная реабилитация западничества и, в частности, либералов-идеалистов. Рабочие материалы «Подростка» отражают преисполненность Достоевского стремлением показать роль и значение русского дворянства как высшего культурного класса вообще и русского дворянина как главного двигателя процесса освобождения крестьян.

В романе «Подросток» Достоевский формулирует свое понимание исторической роли русского дворянства и не только для России. Это своего рода философия истории России в понимании Достоевского. обстоятельством, которое в данной концепции вызывает особый интерес, является прямое указание на главное действующее лицо исторического процесса – дворянина (по оценке Достоевского, это – «высший культурный тип»), тогда как похожие историософские концепции, начиная с первой трети XIX в., оперировали надличностным понятием «Россия». «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. ... Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысячу человек, но вся Россия лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу»³⁷.

Перемены во взглядах Достоевского отражены в трактовке образа Версилова, «носителя высшей русской культурной мысли». В этот раз для создания характера Версилова Достоевский использовал воспоминания С.Жихарева о Петре Чаадаеве, а идейно Версиров близок Герцену конца 1840-х – начала 1850-х гг., когда тот испытывал жестокое разочарование в Европе³⁸. Поколению Степана Верховенского ставилось в вину, что они проговорили идею в бесконечных дружеских посиделках, сопровождавшихся изряд-

ным количеством выпитого шампанского (шампанское вызывало особенный сарказм Достоевского). Дальше разговоров дело не шло – что же требовать от их сыновей, которые, наблюдая издали за отцами, могли только презирать их. Они утратили веру в Бога, они не смогли заложить идею величия человека. До «Подростка» герои Достоевского искали Бога, мучились сомнениями безверия, обретали Бога, но сам писатель был одержим желанием создать яркий и убедительных образ человека верующего, образ истинно православного русского. До начала 1870-х гг. Достоевскому казалось, что смысл и цель жизни в обретении Бога, в вере в православную Россию, но в «Подростке» нерв романа проходит через поиск героями добра и зла. И на этом пути оказывается, что поколение отцов не утратило моральной высоты своей позиции, что поколению 1870-х при неизбежном их нигилизме необходимо придется подняться до высоты идеи, исповедуемой когда-то отцами. Так в чем же была их идея?

Высшая культура – это звучит красиво, но под натиском нигилизма понятие дворянской культуры, ставшей общечеловеческой, могло свернуться до презренно-классового. Просветительская функция дворянства – это тоже хорошо, это утверждал еще Пушкин, но нигилисты с различной степенью скепсиса относились к наследию отцов. А уж Пушкин для них уже давно не был авторитетом. Достоевский легко и убедительно показывает несостоятельность идеи Ротшильда, он призывает жить, не обманываясь в том, что добро, а что зло. Он указывает на пример отцов, пусть когда-то и сжигаемых страстью, но живших в понятии чести. И еще он просит просто «любить людей так, как они есть». Это невозможно. «Однако же должно»³⁹. Оттого роман «Подросток» наполнен светом и какой-то возрожденческой энергией, но в общем раскладе он останется замечательной и грустной утопией. Главным идеалистом в этом случае оказывается сам автор.

«Подросток» как никакой другой роман богат историософскими тезисами, попытками сформулировать «русский путь», «русскую идею», причем, что знаменательно, исключительно на светском материале. Многое в содержательном плане остается нераскрытым. Такова мысль Достоевского о всечеловечности русского дворянина. На этом этапе она скорее выполняет роль метафоры, к ней Достоевский вернется позже, в Пушкинской речи. Пока же

Версиков решает, «чем быть: общечеловеком или русским? Я не знаю до сих пор. Я не могу быть ни тем, ни другим, потому что первого совсем нет, а вторым я и сам быть не хочу»⁴⁰. Метафора «русский дворянин больше европеец, чем любой европеец» выглядит скорее как рабочий материал, для того чтобы перекинуть мост к мессианской идее о спасительной роли России по отношению к Европе. Эти идеи возникли у Достоевского в связи с чтением Философического письма Чаадаева, «Писем из Италии» и «С того берега» Герцена. Кризис Европы, действительно, свидетельствовал о трудных для стран Европы временах, но с чего тут великорусская самоуверенность? А вот с чего. Для русских интеллектуалов шкала ценностей была уже давно определена, где прагматизм – недостойно, плохо, духовность – приемлемо. «Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы – ничего не основывается»⁴¹. Получалось – не знаем, как спасти себя, но знаем, как спасти старые камни Европы. Расточаемая широта русской души не подвергалась ревизии: а нуждается ли в ее услугах Европа.

Мысль о всепримирении идей, по сути интуиция Достоевского об универсальном интеллектуальном тренде, исходящем из России, остается и в рукописях, и в тексте романа тезисом, хотя по рукописям видно, что Достоевский пытался его раскрыть, запуская вновь и вновь это выражение: «Высшая русская мысль есть всепримирение идей»⁴²; «Русская земля спрашивает с меня идеала. Всепримирение идей. Но этого нет в Европе. Кроме наших 1000 человек. Мы носители идеи»⁴³. Какой идеи? Что имеется в виду? В «Подростке» этот код не расшифровывается. «Мы, русские дворяне, концентрируем новое мировое соединение идей»⁴⁴. Что соединит мир? Достоевский гениально персонифицировал идеи, но данная идея не получила пока своего голоса, оставляя простор домыслам.

Наконец Достоевский формулирует «русскую идею», в основе своей гуманистическую, открывающую для него смысл русской истории и даже предназначение России в мире: Россия болеет за всех, а «русский дворянин – провозвестник всемирного гражданства и общечеловеческой любви»⁴⁵. «Гражданство», конечно же, не означает гражданское общество, основанное на правах человека. Православная государственность – по-прежнему идеал Досто-

евского, и он не противоречит общечеловеческой любви. «Нравственные идеи народа даются религией или формулируются народной религией»⁴⁶, соответственно только Россия, страна живого православия, способна возродить умирающую (эгоистичную, прагматичную, потерявшую нравственное начало, веру или имеющую неистинную веру – католичество) Европу. Это-то Достоевский и называет «общечеловеческим» призванием русского дворянина, пренебрегая явным несоответствием: дворянин-то у Достоевского в «Подростке» неверующий. «Как это случилось. Что у нас образовался такой любопытный тип всемирно болеющего человека из дворянства Петра Великого? И зачем говорить, что он ни к чему не способен. Кроме странствий? Да разве всемирное боленье-то не великое дело?.. Эти и вели-то. – Неужели крепостники? – Ну да, вот именно крепостники. Начиная с Чацкого-крепостника»⁴⁷. Именно так. Наивный Аркадий задал самый главный вопрос – кто же его должен был задать?! Умница и фрондер Чацкий, действительно, крепостник и, кажется, даже атеист. Но если в «Бесах» для Достоевского это обстоятельство укладывалось в общую схему, давало основание вычеркнуть несостоятельных дворян-идеалистов из числа спасателей России, то в «Подростке» это уже не повод не верить, это как бы сопутствующее обстоятельство, особенность ситуации. Да, дворянство, признает Достоевский, владело людьми, но при этом было лучшим, потому что руководствовалось понятиями чести, долга, достоинства, наконец, потому что создало высочайшую культуру.

И вот здесь Достоевский делает невозможную вещь: он пишет о том, что эта высочайшая, гуманистическая культура невосприимчива народом, православным, нравственным и внутренне красивым народом. Этот факт, который вынужден был признать Достоевский, делает роман «Подросток» уникальным. Версильов признавался Аркадию, говоря о его матери, Софье, имея в виду народ: «Она никогда не верила в мою гуманность, а потому всегда трепетала, но трепеща, в то же время не поддавалась ни на какую культуру. <...> Они могут продолжать жить по-своему в самых ненатуральных для них положениях и в самых не ихних положениях оставаться совершенно самими собой. Мы так не умеем»⁴⁸. Славянофил Шатов в «Бесах» заявлял: «Все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с

ним свои связи, тут же, по мере того, теряют и веру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными»⁴⁹. А лучший из дворян Версиков, раскальвающий чудотворный образ, тем самым заявлял о том, что дворянство смотрит на народ *с того берега*. В «Бесах» Степан Верховенский всякий раз, когда заговаривает о народе, становится посмешищем: «Я в совершенстве, в совершенстве умею общаться с народом»⁵⁰. «Русская деревня, за всю тысячу лет дала нам лишь одного комаринского»⁵¹. Тогда мысль Страхова, что западники-идеалисты на самом деле не знали народ и даже ненавидели народ, что все их признания в любви к народу лишь пустая болтовня, была горячо воспринята Достоевским. Через четыре года Достоевский признает, что просвещенное дворянство воспринимает народ таким, какой он есть. Достоевский как бы говорит, что никакие монастыри, странники и старцы не могут уничтожить пропасть между словами, и от этого плохо всем.

Достоевский, с одной стороны, не может не видеть, что просвещенный дворянин, хранитель безусловных ценностей – чести и достоинства, часто уже атеист, а с другой – народ, хранитель чистой веры, на роль мессии явно не годится. Но идея для него важнее: Версикова, представителя лучшего дворянства, одного из тысячи, Достоевский называет деистом, понимая, что это все-таки шаг назад от атеиста, и противопоставляет ему идеальный образ русского человека из народа, хранителя веры Макара Долгорукого. Каждый говорит «правильные» слова. Здесь Достоевский-идеолог упрям, последователен и как будто бы убедителен. Но Достоевский-художник пишет совсем другое, прямо противоположное. Реальное отношение русского (пусть и дворянина) к Европе далеко не просто объяснить, но оно явно не укладывается в мессианскую схему. Да и сам дворянин, уже похоронив бездуховную Европу, вдруг вопрошает: «Венеция – зачем я люблю ее больше России»⁵². Версиков, как и его дворовый, муж его жены, странник Макар Долгорукий, – уходящие натуры. Весь образ Версикова как бы опален лучами заката. Достоевский чувствует, что все прекрасное, связанное с дворянской культурой, истончается. На смену идет другая культура, но сказать, что это православная культура, что представитель нового православный человек, было бы необоснованным

допущением. После так и неопубликованного «Жития великого грешника» Достоевский уже и не делал таких попыток. Помните, снимает рясу и Алеша Карамазов. Критика практически единодушна в мнении, что в образе Макара Долгорукого Достоевский воплотил свои представления о величии русской православной души, изобразив истинно народный православный образ. Символ русского народа... Макар Долгорукий – это, безусловно, искренне верующий, умный человек, крепкий характер, но при этом это индивидуалист. Видеть олицетворение русского православного духа в страннике – возможно, но это все равно будет не просто маргинальная личность, образ Макара в изображении Достоевского – это уж точно Русь уходящая. Более того, образ Макара нельзя без известных оговорок отнести к символическому изображению народа. Видеть в образе бывшего дворового и богомольного странника олицетворение народа было бы барским эстетством. Достоевский не знал народ и не писал его. Макар – это единственный в романе «Подросток» представитель православной культуры, но его речи Достоевский, страстный ценитель диалогов, чаще оставляет за сценой, а драма жизни разыгрывается между атеистами, и именно там происходит борьба добра и зла. Образ Макара для писателя – это воплощение идеи истинности православия, но дело все в том, что созданные гениальным художником образы не транслируют буквально идеи автора, они, как заметил М.Бахтин, живут самостоятельно и в отличие от идей автора, подчас убеждают.

«Подросток» так же, как и «Бесы», и даже еще в большей степени строится на проблемной коллизии взаимоотношений отцов и детей. Идеалы отцов реабилитированы и заповеданы детям, но станут ли дети ими руководствоваться? Милые дети Версилова и Софьи? – Безусловно. Но тут стоит вспомнить, что сказал Достоевский о состоянии русского общества в начале романа, чтобы понять, в какую новую жизнь входят эти добрые, честные представители случайного семейства, и оценить оптимизм автора: «Нравственных идей теперь совсем нет; вдруг ни одной не оказалось, и, главное, с таким видом, что как будто их никогда и не было. <...> Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России»⁵³. В России всегда так с идеями – то густо до тошноты, то пусто до тоски.

Будущее же (по крайней мере по роману) за Аркадием, подростком. Его безоглядная вера в человека – это еще далеко не все, но именно это делает его уникальным героем Достоевского. Ни в ком из всей галереи образов не найти столько позитива, открытости. Понятно и закономерно, что подросток Аркадий не дворянин, но именно он, в отличие от законных детей Версилова, наследник и хранитель идеалов отцов. Не случайно, по замыслу автора, в нем смешана кровь дворянская и народная – в этом Достоевский видит залог прочности нового человека. Замечательно и то, что именно Аркадий не принимает социализм, ставя тому в вину пренебрежение правами человека и вообще пренебрежение личностью: «Куда вы денете протест моей личности в вашей казарме? <...> За ту маленькую часть срединной выгоды, которую мне обеспечит ваша разумность, за кусок и тепло, вы берете взамен всю мою личность!»⁵⁴. А это уже либеральный взгляд на вещи: Естественно, что в критике казарменного социализма *à la Чернышевский* больше от крайнего индивидуализма: «Личная свобода <...> на первом плане, а дальше я знать ничего не хочу»⁵⁵, но все же Аркадий, наивный «капиталист», смешно интригующий, которого обманывают и используют все, буквально все герои, но при этом бесстрашно смотрящий в будущее – это, безусловно, герой, олицетворяющий гуманистическое начало. Роман «Подросток» задумывался как роман о детях. Дети как продолжение отцов и как их отрицание остаются. Что же остается? Лиза, незаконная дочь Версилова и его бывшей дворовой Софьи, воплощение жертвенной любви. И ее младший брат, подросток Аркадий, воплощение доброты, наивности, всепрощения и неустанного поиска истины. Ни каторги, ни невинно убиенных – светлая минута творчества Достоевского. Как замечено, этот роман выбивается из всех прочих. Выбивается теплотой, искренностью, он как бы пронизан гуманистическим светом. Достоевский вдруг решил (или на минуту поверил) что Россия, оценив созданную дворянами-освободителями духовно богатую, основанную на гуманистических принципах общественную жизнь, дальше будет жить именно в гуманистических идеалах, точнее, христианско-гуманистических, среди которых честь, достоинство, самосовершенствование и свобода будут непреложными, а вопрос выбора веры останется делом личным.

Примечания

- 1 *Долгушинцы*, кружок революционеров во главе с А.В.Долгушиным (1872–1873 гг.). Подвергали резкой критике существующий общественный строй, пропагандировали идеи экономического равенства, требовали всеобщего передела земли, уничтожение правления дворян и чиновников и установления правительства, избранного народом.
- 2 *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 472.
- 3 URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html#work001>.
- 4 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 354.
- 5 Из рукописных редакций: «В ФИНАЛЕ. Подросток. <...> И тут привести мнение автора, т. е. мое собственное» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 16. Л., 1976. С. 409).
- 6 См. главу: В.С.Печерин и герои Достоевского // *Местергази Е.Г.* В.С.Печерин как персонаж русской культуры. М., 2013. С. 189–224.
- 7 Написано в 1829 г. Опубликовано в «Телескопе» в 1836 г. Стало известно в списках в 1830 г.
- 8 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 286.
- 9 URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html#work001>.
- 10 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л., 1974. С. 197.
- 11 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 30.
- 12 *Тургенев И.С.* Два слова о Грановском. (Письмо к редакторам «Современника».) (URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/pdf2/dvaslotu.pdf>)
- 13 Либерализм в России. М., 1996. С. 142.
- 14 Там же. С. 137.
- 15 *Рак В.Д.* Рак. Комментарии // *Рак В.Д.* Собр. соч.: В 1 т. Т. 7. Л., 1988–1996. С. 496–497.
- 16 26 февраля (10 марта) 1870 г. Н.Н.Страхову: «Книжонка эта нужна мне как воздух и как можно скорее, как материал необходимейший для моего сочинения, – материал, без которого я ни за что не могу обойтись» (Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 15. Письма. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html#work001>).
- 17 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. С. 7.
- 18 Там же. С. 23.
- 19 Там же. Т. 11. С. 150.
- 20 Там же. Т. 10. С. 30.
- 21 Там же.
- 22 Либерализм в России. С. 139.
- 23 URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html#c_1456.
- 24 URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-15/dostoevsky-pss15-15.html#work001/>.
- 25 *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 427.

- 26 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 13. Л., 1975. С. 454.
- 27 Там же. С. 177–178.
- 28 Там же. С. 376.
- 29 Там же. С. 374.
- 30 Там же. С. 455.
- 31 Там же. Т. 16. С. 284.
- 32 Там же. Т. 13. С. 49.
- 33 Там же. Т. 13. С. 50.
- 34 Там же. Т. 13. С. 45.
- 35 Там же. Т. С. 435.
- 36 Там же. Т. 13. С. 106.
- 37 Там же. С. 376.
- 38 См.: *Долинин А.С.* Последние романы Ф.М.Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.–Л., 1963.
- 39 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 16. С. 287.
- 40 Там же. С. 420.
- 41 Там же. С. 431.
- 42 Там же. Т. 13. С. 375.
- 43 Там же. Т. 16. С. 432.
- 44 Там же. С. 433.
- 45 Там же. С. 430.
- 46 Там же. С. 431.
- 47 Там же. С. 417.
- 48 Там же. Т. 13. С. 105.
- 49 Там же. Т. 10. С. 34.
- 50 Там же. С. 486.
- 51 Там же. С. 31.
- 52 Там же. Т. 16. С. 429.
- 53 Там же. Т. 13. С. 54.
- 54 Там же. С. 50.
- 55 Там же. С. 48.